

«ЗАПИСКИ СТАРОГО «ЧЕЛНОЧНИКА»

Шестнадцатого июня 1971 года вышло распоряжение министра среднего машиностроения Славского о том, что исполнение заказа по обогащению урана из сырья заказчика поручается Уральскому электрохимическому комбинату. После этого в группе технологических расчетов под руководством главного экономиста комбината Ратмира Григорьевича ВАГАНОВА начались работы по планированию производства и поставок обогащенного урана на экспорт. Таким образом, можно считать, что 16 июня 1971 года был дан старт экспортной деятельности УЭХК, и нынче ей исполняется 40 лет.

В 1973 году был организован специальный производственный участок, на котором предназначенный для экспорта обогащенный уран заливается в транспортные емкости, там же на него готовится сопроводительная документация. Поскольку привоз из-за границы сырья на комбинат и отправка обратно готовой продукции напоминает движение челнока, то со временем название «Челнок» так и закрепилось за этим участком.

В 1975 году Ратмир Григорьевич Ваганов был назначен заместителем главного инженера комбината по экспортным поставкам и в течение многих лет беспрерывно руководил всем комплексом мероприятий, связанных с организацией деятельности по обеспечению экспортных поставок.

В 2004 году Ратмир Григорьевич выпустил небольшую книгу «За облаками всегда есть солнце», в которую включил несколько историй под общим названием «Записки старого «челночника». Сорокалетие экспортной деятельности УЭХК я посчитал хорошим поводом для публикации этих «Записок».

Владимир ПАВЛОВ

Автор «Записок»
Ратмир Григорьевич Ваганов

На день заключения первого контракта (с КАЗ Франции) американская цена ЕРР (единица работы разделенная) составляла 26 долларов. Не прошло и месяца, как в нашем проектно-институте в Ленинграде мне показали статью из американского журнала, в которой сообщалось, что цена ЕРР повышена до 32 долларов, потому что в прежней цене не была учтена... зарплата архитектора. Так могли написать только люди, которым сто раз наплевать, что о них подумают. Ещё несколько месяцев спустя американцы довели свою цену примерно до 100 долларов, что и было зафиксировано в наших контрактах, заключённых в 1975 году. Я часто спрашиваю себя, в чей карман пошли эти наши уранодоллары? Боюсь, что они не дошли даже до Минсредмаша. Иначе как объяснить, что специалисты УЭХК вынуждены были буквально валиться в ногах у чиновников Минсредмаша, чтобы те выделили чуточку долларов на закупку приборов и оборудования, которые в СССР не производились. Только один пример: весы французской фирмы «Фуарон». Пример для тех времён достаточно типичный. Сначала подписали контракты, в которых была зафиксирована необходимая точность взвешивания, а потом узнали выносить, где валять такие весы. Слава Богу, наши купили, использовали до поры до времени. На смену «Фуарону» (по рабоче-крестьянски – «Вороне») для официального взвешивания пришли весы фирмы «Толедо», говорят, более точные.

Только с 1992 года УЭХК стал получать заработанные им доллары. По закону их надо было продавать государству, но, похоже, кое-что оставалось для импорта.

Валюта оказалась весьма кстати, так как именно в это время был принят закон о так называемом толлинге, согласно которому услуги по обогащению урана из сырья заказчика стали облагаться налогом на добавленную стоимость (НДС). Параллельно. Вместо того, чтобы поощрять единственную в стране отрасль, в крупных размерах экспортирующую не сырье, а продукты передовой технологии, её стали душить грабительским налогом! А обиться от НДС, как это сделал Мичицмет УЭХК в одиноч-

если бы не мировой энергетический кризис начала 70-х годов. Европа, электростанция которой работала в основном на нефти, дрогнула перед угрозой лишиться поставок этого сырья. Альтернативой стала атомная энергетика, для развития которой во всех европейских странах были разработаны обширные долгосрочные программы. Даже маленькая Австрия с её большими запасами дешёвой гидроэнергии решила обязаться двумя атомными электростанциями, а Иран с его немалыми запасами нефти замкнулся, по данным западной прессы, чуть ли не на два десятилетия таких объектов. И тут переступные европейцы вспомнили о том, что ещё в 1968 году СССР обнародовал своё желание оказывать всем нуждающимся странам услуги по обогащению урана из сырья заказчика для энергетических целей, и, боясь опоздать, встали в очередь по заключению соответствующих контрактов.

Для Европы контракты с СССР были более выгодны, чем с США: поставщик поближе, а значит, ниже транспортные расходы, и за товар берёте подешевле: со скидкой порядка 5% от американской цены на долгосрочные контракты. Только умные итальянцы сумели добиться гораздо более выгодных для себя условий. Что подешевеет, коммерческого опыта у нашего будущего Торгового дома (теперь называется ОАО «Техснабэкспорт») ещё не было, он находился тогда в структуре НИИД и размещался в известном высотном здании на Смоленской площади. Опыт пришёл позднее, когда «Техснабэкспорт» перешёл в Минсредмаш. Зато эти ребята, в основном выпускники МИТМО, знали язык, чего нам, работникам УЭХК, тогда как не хватало.

Предисловие

Что такое заказ «Челнок» и как он начинался, читатель может узнать из книги «Урошение урана», изданной в Новоуральске в 1999 году, а также из брошюры «Урасторк «Челнок». 30 лет» издания УЭХК, 2003 г. Там отражен в основном период 1971–1973 гг., самый трудный и ответственный для УЭХК.

Мои «Записки» охватывают более поздний период: 1973–1998 гг. Как все же воспоминания, они неизбежно фрагментарны, тем более что я не мог встать никаких записей. В те времена сам термин «челнок» (по моим сведениям, его предложил А.Д. Заев) употреблялся только в секретной переписке. На УЭХК в открытом обиходе разрешалось использовать наименование «Заказ 303», а участок «Челнок» именовался «оумучастком». За завесой секретности скрывались и все другие подразделения «Заказа 303». С 1976 по 1987 год я работал в должности заместителя главного инженера УЭХК по экспорту. Тогда и позднее через мои руки прошла вся входящая «челночная» документация и часть исходящей. Благодаря этому я имел возможность координировать взаимодействие всех подразделений, работавших на экспорт.

Атомный бум

Неизвестно, сколько лет УЭХК ещё продолжал бы использовать свою самую передовую в мире центрифужную технологию главным образом для получения высокообогащённого оружейного урана,

ку не смог, хотя и делал для этого всё, что в его силах, но после смерти А. Д. Зверева в Минсредмаше не осталось никого, кто бы всерьёз интересовался проблемами нашего комбината.

«Полный назад!»

Не прошло и десятка лет с тех пор, как УЭХК начал поставки обогащённого урана в Европу, а наши заказчики стали свёртывать или даже хоронить свои ядерно-энергетические программы. Причём — разные. Одни страны поняли, что им гораздо дешевле обойтись программы экономии энергоресурсов, другие уступили атакам экстремизма, в-третьих, случилось то, что в контрактах проходил по разделу «форс-мажор».

В Австрии в 1978 году был проведён референдум. Незначительным большинством было решено закрыть действующий атомный энергоблок, топливо для которого закупалось в США, и не достраивать второй, для которого мы успели кое-что поставить. От выплаты неустойки американцам Австрия попыталась было увиливать, ссылалась на форс-мажор, но не тут-то было. «Это не форс-мажор, а демократия, за неё надо платить». Девалься некуда, после такого заявления США Австрия уступила, а нашей стороне выплатила неустойку, не дожидаясь рекламации.

Италия, наш самый крупный заказчик, судя по всему, вовсе не собиралась заниматься атомной энергетикой. Её целью, как я понимаю, было сделать бизнес на обогащённом уране. Своей цели фирма «Аджил Нуклеар» достигла: приобрела у нас по дешёвке большое количество урана и, выждав время, пока цена ЕРР зашкалила за 100 долларов, выставила его на продажу. Образуется так называемый вторичный рынок урана, от которого нам (УЭХК) ой как агулоуется. Но об этом ниже.

Иран. На смену прогрессивному шаху пришёл аятолла Хомейни. По мнению последнего, атомная энергетика — прокси неверных, и стало быть, в услугах германской фирмы «КВН», строящей там реакторы, Иран больше не нуждается. К этому времени «КВН» успела вложить в атомную энергетику Ирана 3 млрд. марок. Из сообщений зарубежных источников было ясно, входили ли в эту сумму затраты на закупку в СССР топлива для будущих электростанций. Так мы потеряли, не получив никакой компенсации, второго по объёму инозаказчика. «КВН» судилась с Ираном под арбитражем правительства Германии, но, скорее всего, безрезультатно.

В результате наши поставки на экспорт достигли максимума в 1979–80 гг., пошли на спад.

Кризис

С развалом СССР для промышленности по обогащению урана настали чёрные дни. В 1988–89 гг. прекратилось производство высокообогащённого оружейного урана, которое без проблем финансировалось из бюджета. Выпуск низкообогащённого урана для отечественных атомных электростанций в связи с Чернобылем сократился, а глав-

ное, за него с 1992 года перестали платить. Из родственных предприятий «на плаву» оставалось только УЭХК; удалось добиться открытия валютных счетов в двух банках, и на них с мая 1992 года стали поступать платежи за экспортную продукцию. Кроме того, экономическим службам УЭХК во главе с В. А. Налимовым удавалось кое-что получать на внутреннем рынке по разработанным ими целям взаимозачётных невалютообразимой длины. Поддержат «падающие» раздельные предприятия можно было только за счёт распределения между ними заказа «Челнок». Кооптированием заказа занялось 4 ГНТУ (4-е Главное научно-техническое управление Минсредмаша — В. П.), сделав явной политику фаворитизма, проводившуюся преинициами А. Д. Зверева. УЭХК, не входивший в число фаворитов, при этом пострадал двойней: он потерял половину заказа в натуральном выражении, а часть оставшихся у него долгосрочных контрактов была замещена более дешёвыми контрактами вторичного рынка.

«Магазины»

Со вторичным рынком урана была связана ещё одна проблема, оказавшаяся по ряду причин очень серьёзной. Первые 12–13 лет работы на экспорт по долгосрочным контрактам были поистине золотым веком для технологических служб УЭХК. В самом деле, графики поставок на вес планируемый год представлялись инозаказчиками в апреле предшествующего года. Этим 8–20 месяцев было более чем достаточно для своевременной подготовки производства и наработки заказанных продуктов. Такой порядок не требовал создания запасов разных наработанных обогащённых продуктов. Говоря языком плановиков, можно было работать при нулевом НЗП (незавешенном производстве — В. П.). Этот показатель — НЗП — планировался столь же жёстко, как объём выпуска товарной продукции, и любое отклонение в сторону увеличения считалось невыполнением плана со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По мере вхождения во вторичный рынок положение коренным образом изменилось. Заказы стали поступать гораздо позже, порой за 2–3 месяца до поставки продукции заказчикам. Глядя на это, «долгосрочники» стали частенько нарушать контрактные сроки подачи заказов, как говорится, в вичном порядке. Однако наша технология обогащения урана не позволяла выполнять заказы в столь короткие сроки традиционным способом. Нужен был запас продуктов, названный впоследствии «магазинами». В этом «магазине» заказчик покупает то, что ему нужно, а владелец потом пополняет израсходованный запас. Как и в обычном магазине, немаловажным вопросом является ассортимент продукции. В данном случае речь идёт о количестве номиналов по урану-235. Американцы, как мы позже узнали, также реализовали идею «магазина», но в масштабе по весу на порядок выше нашего, и решила этот вопрос в своём монополистском стиле. Например, так: «Вам нужен продукт с обогащением 3,25%? Такого у нас нет, но

есть продукты 3,2% и 3,4%, выбирайте». Для наших заказчиков таких ограничений не существовало: «Вам нужен продукт с обогащением 3,258%? Пожалуйста». Но это отнюдь не означало, что такой продукт есть в «магазине». Там был, как и у американцев, ограниченный набор номиналов, переключивший весь диапазон обогащения от 1% до 5%. В данном условном примере нужный продукт получался на установке смешения из взятых в нужной пропорции 3,1% и 3,3%. Эта установка стала одним из самых необходимых звеньев технологического процесса. «Магазин» на УЭХК был организован вопреки упорному сопротивлению некомпетентных чиновников 4 ГНТУ и Минсредмаша. Автор этих строк — автор создания «магазина» — вряд ли решился бы противостоять «всей министерской рати», если бы с самого начала не ощущал твёрдую поддержку директора комбината А. И. Савчука, роль которого в истории «Челнока», как и во всех других направлениях деятельности УЭХК, трудно переоценить. Конечно, в 80-е годы двадцатого века уже можно было не опасаться, схлопотав ярлык врага народа, зарпечить на Кольму, но прозвище человека, посадившего УЭХК в долговую яму, всё-таки было автором заработано на партсобрании заводоуправления. А дальше нагрянули две комиссии: одна из главка, другая — министерская. Первая — из начальника плановых отделов родственных предприятий, самых что ни на есть высококвалифицированных специалистов в то время в нашей отрасли, но не имевших ни малейшего представления о специфике экспорта. Их отрицательный отзыв о наших «новациях» вызвал к жизни вторую комиссию во главе с первым заместителем министра. Мой доклад высокую комиссию не убедил. До сих пор удивляюсь, как А. И. Савчук сумел убедить замминистра и тогдашнего начальника 4 ГНТУ, что мы в сложившейся ситуации нашли единственное правильное решение. Уезжая, в необходимости «магазина» они уже не сомневались, но потребовали обосновать его размер: «Надо бы поменьше». В дальнейшем размер «магазина» устанавливался нами не больше, чем требовалось по объёму экспортных поставок, а не по «указивкам» чиновников. С тех пор и по сегодняшний день УЭХК на рынке урана может чувствовать себя уверенно.

Правда, к этому привелили не сразу. После 1987 г. руководство комбината очень часто задавало мне такой вопрос: «Вот тут заказчик NN спрашивает, можем ли мы поставить ему такое-то количество продукта такого-то обогащения к такому-то сроку?» Я отвечал, что при наличии у нас «магазина» всё зависит только от того, когда уважаемый NN сможет поставить в порт тару (контейнеры «30»).

Так оно и было. Ни одно из имевших место довольно частых отклонений от графиков поставок не было связано ни с отсутствием материала, ни с задержкой заполнения им контейнеров, ни с опозданием наших транслоков, что свидетельствует об эффективности «магазина», о безупречной работе всех технологических служб и отдела доставки грузов УЭХК. Все причины отклонений находились в стороне. Это — задержки

поставок тары заказчиками, русский мороз (Ленинградский морпорт в отдельные зимы заморозал, а ледокор, увы, был всего один), и, наконец, повелись Российская таможня, в задачи которой своевременное осуществление экспортно-импортных операций не входит, за исключением неукоснительного взаимия пошлины с их участниками.

Однако было время, когда у нас возникли проблемы с организацией движения своего транспорта.

Транспорт. Перевалочная база

В первые годы работы «Челнока» все импортно-экспортные грузы транспортировались морем на одном судне, приводившем из Гавра в Ленинград регулярно каждый вторник и четвертый вторник, если, конечно, французские докеры не бастовали, например, в честь Октябрьской революции (было и такое...). Судно принадлежало одному из потомков графа Л. Н. Толстого и называлось «Бородин» («девичья фамилия» — «Бородино»). К приходу этого судна приурочивался приход в порт нашего ж/д транспорта. С ростом числа ино-заказчиков и объема грузов привязка наших транспортов к приходу «Бородина» перестала устраивать и морпорт, и нас, а к 1977 году на

средства УЭХК была построена перевалочная база в Капитолово, пригороде Ленинграда. Размеры главного корпуса базы, где временно складировались пустые и заполненные контейнеры, впечатляют. Приходилось слышать шутку, что футбольный клуб «Зенит» просил сдать это помещение в аренду для зимних тренировок. Шутки шутками, но вот уже 25 лет база успешно работает, несмотря на то, что подъездные пути базы, заложенные на небольшом пятнышке без перспектив расширения, позволяют разместить одновременно очень небольшое количество ж/д платформ.

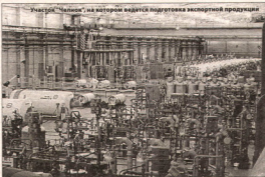
Доставку контейнеров на перевалочную базу из порта с тех пор на договорных началах с УЭХК осуществляло ЛМО ВО «Изопал» (современное название — СП ФГУП «Изопал»). Сначала это был Ленинградский морской порт, позднее, в зависимости от типа контейнеров, Рижский и Ленинградский и, наконец, только С.-Петербургский. Туда же отправлялись с базы контейнеры с готовой продукцией.

Одно время я усердно собирал в отдельную папку то, что попадало в нашу открытую прессу об урановой проблеме, но довольно скоро прекратил это занятие, убедившись, что всё это «бред сивой кобылы». С очередным «бредом» в связи с войной в Ираке можно ознакомиться в еже-

недельнике «Версия», в номере от 24.03.03. Были, конечно, и исключения, если они не являлись отечественным творчеством, а представляли перепечатки из иностранной прессы. Вспоминаю об одной из них, имеющей непосредственное отношение к «Челноку».

«Мон-Луи»

По каким-то причинам в конце августа 1984 года вместо «Бородина» вышел в рейс из Гавра контейнеровоз «Мон-Луи», на котором в числе прочих грузов находилась партия контейнеров типа «48» с сырьем для УЭХК по контракту с одной из западногерманских фирм. В Северном море «Мон-Луи» столкнулся с немецким судном и затонул у берегов Бельгии «на небольшой глубине».

Недели через три контейнеры доставили через проделанную в корпусе пробоину, при этом ни один из контейнеров «не дал утечки содержимого». Потом — газеты об этом уже не писали — контейнеры прибыли на УЭХК и были использованы в установленном порядке, поскольку не имели никаких повреждений, а немного больше растрепаны, чем обычно, не помешало нормальной работе.

Немецкая «пунктуальность»

Другой случай, уже не из «транспортной оперы», характерен тем, что заставил меня пересмотреть некоторые свои взгляды-стереотипы. Нам всё время вносили, что немцы — образцы пунктуальности, аккуратности, экономности и т.п., не чета нам, русским. И я так думал до поры до времени...

Немецкой фирме, с которыми УЭХК в разное время заключал контракты на поставку нашей продукции, было семь, в том числе фирма «RWE». Поставляемые ею пустые контейнеры «Э0», как обычно, веземались и у заказчика, и на УЭХК. С определенного момента вес, измеренный на «RWE», согласно их документам, стал превышать наш вес, и так в каждом контейнере. Там, где эта разница не выходила за пределы допусков,

мы, согласно контракту, были обязаны принимать вес заказчика, хотя были уверены, что он неправильный. А это означало, что фактически мы отгружали продукта больше, чем по документам. Нам такое положение, понтоно, не устраивало, и мы неоднократно уведомляли об этом фирму с просьбой разобраться. Ответ получали бумаги, написанные натуральным «хлюстом», хлюст по Л. Соболеву («Капитальный ремонт») — это бумага, составленная человеком, понимающим, о чём пишет, но так, чтобы адресат ничего не понял и отказался. Такая переписка длилась до тех пор, пока в нашем главке не поняли, что с потерями продукта лора кончат, и тогда был командирован на фирму Б. Чернобровкин. Прибыв на место, он потребовал, чтобы ему разрешили присутствовать при взвешивании пустых контейнеров. Как мы и предполагали, при этом защитные колпаки вентиляторов не снимались. На УЭХК взвешивание, согласно контракту, производилось без этих колпаков. Всё стало ясно: ошибка фирмы. Скажете, с кем не бывает... Но послушайте, что было дальше. Составила черновики протокола, в котором были расставлены все точки над i. Но с оформлением чистовика фирма не торопилась. «Мы привезем Вам протокол для подписания в аэропорт», — сказал

герр Фишер Чернобровкину. И привезли... Факт взвешивания контейнеров без снятия колпаков из протокола исчез: это, мол, погрешность весов. Видимо, Фишер рассчитывал, что в предлопной суматохе Борис Иванович подмахнет протокол, не глядя. Но он-то, в отличие от некоторых простаков, знал, на что способен это «интуитивные и адекватные». Говорят, Фишера уволили, но денежки-то наши плакали....

Таможня

Пока был жив СССР, мы на УЭХК и не подозревали о существовании таможни, хотя она, конечно, была в Ленинграде, где наши импортно-экспортные грузы, наверно, проходили какую-то таможенную очистку, которой занималось ЛМО ВО «Изопал». Насколько я знаю, у «Изопала» не было никаких проблем с таможенно-правительством, утверждался список грузов, в том числе наших, которые подлежали беспрепятственному пропуску.

Но вот, как говорят в Одессе, в один прекрасный день 1992 года наша нормальная работа кончилась: на нашу голову свалилась Екатеринбургская таможня, а над ней ещё и Уральское таможенное управление. С самого начала таможне было безразлично, кто стоит в многочисленной очереди декларантов,

желающих заплатить пошлину и получить заветную печать на таможенной декларации: представитель такого гиганта экспорта, дающего таможе 30% сборов, как УЭКХ, или мелкий предприниматель. Очередь вписывалась в тесное помещение, где негде было даже присесть. И уж совсем неинтересно таможенникам, что наш декларант может не успеть пройти эту очередь до конца дня, а завтра с УЭКХ должен уйти жд транспорт, чтобы успеть к приходу судна в С.-Петербург.

Эта невыносимая ситуация длилась почти год, по истечении которого в Новоуральске появился постоянный представитель Екатеринбургской таможи в ранге инспектора. На месте он мог принимать таможенные декларации и производить досмотр грузов, но и только... По поводу самого мелкого вопросу он ездил в Екатеринбург к своему начальству. Вопрос о создании в Новоуральске таможенного поста, который, по положению, будет обладать определенной автономией, так и не решен, несмотря на наши неоднократные обращения во все инстанции, вплоть до Государственного таможенного комитета. Формально все — «зав», а вот поди жми...

Появление у нас инспектора таможи возникло только одну из проблем. Другие возникали одна за другой. Тому были две главные причины.

Первая: правила игры таможня меняла как перья. У нее, как говорится, всегда семь пятниц на неделе. Сегодня она требует один оправдательный документ, завтра — другой и т.д. Тем, кто, как и я, выразил своё недоумение, предлагали заглянуть в таможенный кодекс, в котором было записано, что таможня имеет право требовать любые документы. Но это сообщало, что сейчас говорит, без протокола, официально же таможня ни на какие запросы не отвечала. Впрочем, кодекс довольно быстро устарел, и таможня стала руководствоваться не его

статьями, а несметным количеством подзаконных актов и положений, которые в разных таможах трактовались по-своему. УЭКХ не раз был свидетелем и жертвой «нестыковок» Екатеринбургской и Балтийской таможи, на которую накладывались маховый бюрократизм этих заведений.

Вторая причина — полное недоверие к любому слову, любому документу УЭКХ. Как я понимаю, это было кредо таможик: все её клеветы — потенциальные жулики и контрабандисты, и её задача — вывести их

всозпользоваться своими экспортными перевозками для контрабанды в том или ином виде. На первый раз при досмотре грузов перед их отправкой с комбина та будем проверять состав содержимого контейнера. С этой целью мы приобрели прибор, который, будучи приставлен к поверхности контейнера, покажет нам, в частности, какое действительный, а не декларируемый вами изотопный состав урана, нет ли там плутония или еще чего-нибудь. Погрешности прибора? Для нас это неважно, мы ему верим, ведь мы заплатили за него немалые деньги. На следующем этапе мы надеемся приобрести и применить прибор, которые выявят, где вы можете прятать наркотики, золото или ещё что-то... Но это же бред, скажете вы. Увы, нет. Всё так и было: чудо-прибор приставляли к контейнерам несколько лет, пока он не вышел из строя. Что показывало это оружие таможни — тайна, покрытая мраком.

Установки термостерилизации на участке "Челнок"

Послесловие

«Чем занимаешься?» — спросил меня в телефонном разговоре мой давний знакомый. «Да вот, мемуары пишу». «Ну-ну, пиш, только не болтай лишнего, а то посадят как Г. Пасьяна».

А может, не посадят? На «японского шпона» я не тну, и вообще меня как вполне законопослушного подопечного соответствующая служба почти 50 лет опекала очень даже нежно, и теперь, надеюсь, тоже будет снисходительна. Кстати, вопрос: на что я могу надеяться? — самый первый из трёх плавных в философии Камю.

У Онега Митрева в одной из его книг есть замечательные слова:

«Хочется по-старому чем-то дорожить»...

Я дорожу тем, что сделано, и тем, кто это сделал.

Ратмир ВАГАНОВ, 2004 год,

фото предоставлены изданием «Делта УЭКХ»

О запрете ввоза и оборота свежих овощей и ягод, произведенных в ЕС

Управление Роспотребнадзора по Свердловской области информирует, что, по данным Федеральной службы Роспотребнадзора, на территории Европейского Союза продолжают регистрироваться случаи острой кишечной инфекции, вызванной энтерогеморрагической кишечной палочкой. По данным Института Роберта Коха, ведущего официальный регистр инфекционных заболеваний, в период с 29 апреля по 31 мая 2011 в Германии зарегистрировано 796 случаев заболевания, вызванного энтерогеморрагической кишечной палочкой, 329 случаев заболевания с гемолитико-уремическим синдромом (ГУС) и 9 умерших. Зарегистрированы случаи данного заболевания в других стра-

нах Европы (Швейцария, Норвегия, Испания, Франция, Швейцария, Дания, Голландия и другие) — около 70 заболевших. Источником возникновения групповой заболеваемости до сих пор не определен, однако в качестве вероятного фактора передачи инфекции рассматриваются свежие овощи и ягоды, которые употребляются в пищу без термической обработки. Учитывая изложенное, руководителем Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека Г.Г. Овчинников в настоящее время до особого распоряжения приостановлен ввоз на территорию Российской Федерации и оборот на территории Российской Федерации свежих овощей, съедобных корнеплодов

(за исключением свежего картофеля) и клубнеплодов, свежих ягод, произведенных в странах Европейского Союза после 15 апреля 2011 года. В Европейский Союз сегодня входят 27 стран: Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швеция и Эстония. Об указанном запрете проинформированы предприятия пищевой промышленности, продовольственной торговли и общественного питания. Запрет на ввоз и оборот почти всех групп плодовоовощной продукции согласно разъяснению Федеральной службы Роспотребнадзора будет действовать до тех пор, пока четко не будет установлена причина возникновения эпидемии (виновный продукт).

**Региональное управление № 31
ФМБА России**

Официально